

Творческое объединение «ЗЫБЧАНЕ» представляет ЛИТЕРАТУРНУЮ СТРАНИЦУ

Татьяна
САМУСЕНКО

ПОДСНЕЖНИКИ

Расцвели подснежники
Синие и белые –
Пробуждены вестники.
Малые, но смелые.
На земле застуженной,
Мартом окрылённые,
Солнышком разбужены
Детки закалённые.
Эти первые цветы
Хоть неброской внешности,
В них – начало красоты
И весенней нежности.
Хочется у них спросить:
«Как вы, крошки смелые?»
Их рукой слегка прикрыть,
Теплой, захотела я.
Не страшны им холода,
Только с виду – неженки.
Пусть не забнут никогда
Милые подснежники.

Маргарита
БАЛЬЗАРАЙТЕНЕ

ДОЖДЬ

Дождь весенний –
самый долгожданный:
После холодных зимних дней,
Как будто мне дружок желанный
Он для земли родной моей.
Звонит дождинок дробный стук
По кронам тополей и клёнов,
Польётся дождь, и всё вокруг
Зелёным станет, презелёным.
Струй шелест ласков и певуч,
Дождь льёт, про время забывая,
Из дымчатых покорных туч
К земле сор зимний прибивая.
Дождём весенним всё умыто.
На волю вырвавшихся из плена,
Весна, в права вступив открыто,
Творит повсюду перемены.
Позрачных лужиц островки
Блестят, как чистые оконца,
И из разлившейся реки
Пёт воду радостное солнце.

Ефим ХАЗАНОВ

С бутона нежный лепесток
Отрезать женщина просила,
Но препарировать цветок
Его рука была не в силах.
В окне, заплаканно пустом,
Покрытом оспинами капель,
Стоял нетронутым бутон,
И... лепестки ронял на скальпель.

«В разлив». Фотоэтюд
Александра Фаранова.

Людмила
СТАРОДУБЕЦ

СОЛНЕЧНЫЙ ЦВЕТОК

Только снег в саду растает
Одуванчик вырастает.
Словно солнышко в окошке,
Одуванчик на дорожке.
Жёлтый скромнейший цветок
А созреет – как пушок.
Станет ветерок гулять –
Начнут зонтики летать.
Приземляются в лесочке,
На полях, в моём садочке.
И весной каждый год
Одуванчик вновь цветёт.
Словно солнышко сияет –
Одуванчик – расцветает!
Любим мы простой цветок,
Варим из него медок.
Он, как тот цветок из сказки, –
На ночь закрывает глазки.

Константин ПОПОВ

Свернувшись клубком на теплой грубке и положив голову на лапы, Марья смотрела с высоты своего положения на хозяйку, совершающую свой ежедневный ритуал перед образами в углу комнаты. Кошка была старой и невзрачной, такой же, как и старуха, стоявшая на коленях на подручнике внизу. Темно-серый окрас с желтоватыми пятнами на шкуре в вечернем полусумраке почти сливался с подстилкой – старым одеялом, которым была накрыта лежанка. Свет от зажжённых свечей перед Спасом, Богородицей и Николаем Угодником едва пробивал эту темень. Зачарованными с детства словами старуха произносила слова молитвы, не забывая время от времени осенять себя двупрестным крестом и наклонять голову к полу, едва касаясь его своим лбом. Длинная темная юбка, старомодный жакетик, платок на голове, завязанный по старотеческим правилам, лестовка в руках делали ее похожей на пришельцу из далёкого прошлого.

– Господи, спаси и помилуй – шептали ее губы, – успокой душу раба твоего Алексия.

Затем, словно вспомнив что-то горестное, она вытирая уголком платка текущую из глаз слезу.

Марья не знала и не понимала того, что произносила старуха, этот ритуал проходил перед ее кошачьим взором ежедневно, и она давно смыкалась с этим, принимая как повседневную данность своего существования.

Закончив молиться, старуха встала, подняла с пола подручник, подошла к образам и загасила свечи. Потом включила свет – единственную лампочку, висевшую на длинном шнуре в комнате, от которой на стене обозначилась сгорбленная человеческая тень.

Старуха подошла к лежанке, с трудом забралась на неё и села рядом с кошкой. Тепло от нагретых кирпичей хотя и проникло в ее тело, но не согрело ее. Опустив руку на спину Марии она ласково погладила кошку и вдруг снова разрыдалась.

– Алешенька, сынок... – ее худые плечи и горбатую спину сотрясали всхлипывания. Взяв кошку на колени, она гладила ее и без конца причитала, взглядываясь в висевшую на стене фотографию.

Марья смотрела на хозяйку своими круглыми глазами и, казалось, понимала, почему та вспомнила, как пятнадцать лет назад, за год до начала войны, ее сын Алеша, студент пединститута, принес домой за пазухой маленького котенка, которого нашел под забором.

– Вот не хватало мне ещё кошки, – заявила мать. – Выбрось её.

– Пусть живет Марья у нас, – сказал он.

Так и получила она своё имя. А вскоре превратилась в ладную сметливую кошечку, по пятам бегавшую за своим спасителем. Марья и Алёша были неразлучны. Ни к кому в доме не питала она такой привязанности. Чаще всего её можно было видеть на алёшинских коленях, когда тот готовился к занятиям. Когда его не было дома, Марья часто сидела на заборе в ожидании. Она знала время его прихода и, увидев издалека его высокую, бодро шагающую фигуру, радостно спрыгивала со своего поста и бежала навстречу, подняв трубой хвост, ласково терлась о его ботинки, всем своим видом выражая свою кошачью любовь. Алёша брал её на руки, и они вместе заходили в дом.

Мать постепенно смыкалась с новой жилицей. На её руках было ещё целое хозяйство: коза, куры, поросёнок, поэтому на кошку она смотрела как на бесполезный довесок. Жила она к тому времени уже только с сыном, дочь давно вышла замуж и переехала из родительского дома.

– Мам, – говорил Алёша, – она же всех мышей в хате извела, и в сарае их поубавилось.

– Ладно, ладно – ворчала мать, – слава Богу, что хоть налог с неё не берут.

Одна поставившая на ноги сына после ареста неизвестно за что в тридцать седьмом своего мужа, красильщика с кожевенного завода, в душе она слегка ревновала Марью к Алёше, но виду не подавала, и всегда после дойки наполняла кошачью миску свежим молоком. Сама не знаяши ни одной буквы, мать всеми силами поддерживала тягу Алёши к знаниям. «Учителем будешь», – предсказывала она всегда корпевшему над книгами еще в школе сыну.

А через год, едва получив диплом, так и не познав учительского хлеба, ушёл Алёксей на войну. После курсов младших командиров направили его на фронт. Больше мать его не увидела. И стала Марья ещё одним напоминанием о её единственном сыне.

Пережила Марья с хозяйкой и оккупацией. Та хорошо помнила, как в морозную стужу суровой зимы первого года войны топили эту грубку немецкие солдаты,

стоящие у неё на постое, и чуть не устроили поджог, бросая дрова, словно в топку паровоза.

– Спасти хату, беси, – голосила она.

Убеждения и словарный запас не действовали. Тогда, чтобы сохранить источник тепла, она стала втихую прикрывать трубу как только новая охапка дров ложилась рядом с дверцей. Дым, заполнявший дом, отрезвлял немцев, они что-то обсуждали между собой, но понять причину непроходимости дымохода не могли. Однако с тех пор топить стали не так рьяно.

Марья, еще молодая и неопытная, забивалась в дальний угол и смотрела, как суетились солдаты, что-то говорили друг другу. Кошку они не трогали. Даже иногда брали на руки, подкармливали тушёнкой. Но всё равно чужих и незнакомых людей она боялась и старалась избегать.

В войну всю дворовую живность немцы извели. Осталась одна кошка. В сорок пятом пришла похоронка на сына, артиллерийского капитана, командира батареи. Алексей прошёл почти всю войну, а в самом конце погиб. Совсем немного не дотянул.

Позже мать съездила на его могилу. После этого сразу постарела, согнулась, поседела, стала подступать глухота. Скотину старуха уже не держала. Остался только сад, посаженный когда-то её мужем, так и сгинувшим в сибирском лагере. Теперь раз в месяц ходила она в банк, чтобы получить небольшую пенсию за погибшего сына, чим и жила.

Осенью, когда созревал урожай, приезжала дочь с зятем и внуками. Мать хорошо помнила, как в голодный тридцать второй яблоки и груши не дали совсем помереть ей с детьми, поэтому как могла берегла деревья. Переехать к дочери настороже отказалась.

– Как же я брошу свою хату, где всю жизнь прожила, – говорила она. – И куда Марью дену? Нам здесь вместе и помирать.

По большим праздникам, услышав раздающийся над городком колокольный звон, посещала старуха свою церковь, где когда-то в молодости венчалась. Доставала из сундука старинный, расшитый узорами сарафан, надевала новую кичку, повязывала голову платком, накидывала зипун и потихоньку шла поклониться Богу со всеми, пообщаться со сверстницами, такими же вдовами, как и она, поставить свечи за упокой умерших да за здоровье живущих.

Марья всегда чувствовала, когда старуха уходила. Она не боялась оставаться одной в доме: двор и окрестности уже не так, как раньше, соблазняли её на кошачьи походы. Теперь большую часть своего времени проводила возле хозяйки. Тем более котят она больше не рожала. Да и тех, что появлялись у неё, она никогда не видела. Старуха забирала их почти сразу, а куда их девала, Марья не знала.

– Ну вот, Марьюшка, я и пришла. Слава Богу, помолилась, узнала новости, – говорила возвращаясь со Всенощной старуха. Ей не было с кем делиться, кроме кошки, своими нехитрыми мыслями.

Марья также, как когда-то и к её сыну, бежала навстречу. Она знала, что старуха плохо слышит, поэтому громко приветствовала её. Обе одинокие, они тянулись друг к другу и чувствовали взаимную необходимость в подобном общении.

Зимой поутру старуха топила печь, готовила еду, кормила кошку и ела сама, молилась, как обычно долго, затем разговаривала с Марьей, вспоминая свое прошлое, рано сгинувшего Алёшу. Вечером, если было холодно, горели дрова уже в грубке, снова молилась при свечах, сидела рядом с кошкой. Сын в военной форме смотрел на неё со стены и она бередила душу воспоминаниями.

Так и проходили их дни.

Околела Марья под Пасху. Её кошачий век подошёл к концу. Старуха всплакнула, хотела поставить свечку, да одумалась, только перекрестилась. Вынесла кошку в сад и закопала под старой грушей, там же, где когда-то и новорожденных котят. Встнула в это место веточки, чтобы запомнить, и, тяжело ступая больными ногами, вернулась в дом.

А через неделю занемогла и сама. Не увидев её в церкви, позвонили дочери, через день та приехала. Но старуха уже совсем слегла. Сказала только где спрятана давно приготовленная к успокоению одежда.

Смерть она приняла тихо и спокойно.

Похоронили её, когда на дворе уже вовсю бушевала весна. Плодовые деревья в том году так и не зацвели, кроме одной груши. Её буйная кипень одинокой белой свечи горела среди ещё безжизненного сада и, казалось, предвещала начало новой жизни.

Ольга
БУЛНОВА

ВЕТЕР

Как удивительно танцует ветер!

Не тот, что всё сметает

на своём пути,

А юный и рожденный на рассвете,

Он кружится и шепчет:

– Не грусти!

И в этом танце лёгкость и свобода.

Он трогает слегка речную гладь.

О, как прекрасна на заре природа!

В ней всё едино –

страсть и благодать.

Он обнимает сонные берёзы,

Они в ответ вздыхают о любви.

И, может, потому роняют слёзы,

Когда поют под утро соловьи.

Но час другой, и ветер всё быстрее

В страну чужую облака несёт.

Он стал иным –

настойчивей, смелее

И песню шаловливую поёт.

Татьяна
ПОЖИЛЕНКОВА

Сердце пока что бьется,
Пусть не как прежде звонко,

Маленькому сыночку

Я побегу вдогонку.

Солнце пока что светит,

Вспыхивая и грея,

Смысл – это наши дети,

А не дождаться Грэя.

Счастьем сверкнут глазенки –

И прощены проказы,

Здорово вместе с ребенком

Верить волшебным сказкам,

Строить песчаные замки

И побеждать злодеев,

Мира раздвинуть рамки

И невозможных владея,

Я продолжаюсь снова,

Жизни презрев конечность.

Смысл – это наши дети,

Миг превратившие в вечность.

